

Часть 3. Взрыв (1917г.)

- Глава I. Война и Революция
- Глава II. Торжество революции
- Глава III. На пути к Социальной Революции
- Глава IV. На пути к социалистическому правительству? Нищета социализма
- Глава V. Большевистская Революция
- Примечания

Глава I. Война и Революция

Как и правительствам других стран в начале войны, царскому правительству удалось разбудить в душах людей все дурные инстинкты, животные, пагубные страсти: национализм, шовинизм и др.

Как и повсюду, миллионы людей в России были обмануты, сбиты с толку, ослеплены и вынуждены отправиться на границы подобно стаду скота на убой.

Важные, подлинные проблемы эпохи были забыты.

Первоначальные «успехи» российских войск ещё больше подогрели «великий народный энтузиазм».

Но к этому умело дирижируемому концерту примешивалась особая нота; за пресловутым «энтузиазмом» в умах людей крылась вполне определённая «идея». Разумеется, как примерно одинаково рассуждали в народе и армии, мы будем сражаться и победим. Но пусть правительство не строит иллюзий! После войны мы предъявим ему свои требования. В награду за нашу преданность и понесённые жертвы мы потребуем смены режима, права и свободы... После войны возврат к прежнему станет невозможен...

А солдаты шептались: «Когда закончится война, оставим себе оружие — на всякий случай».

Однако положение в России очень быстро изменилось. Последовал ряд поражений, а вместе с ними — тревога, горькое разочарование, острое недовольство, народный гнев.

Война обходилась чудовищно дорого, и не только в денежном выражении. Миллионы человеческих жизней приносились в жертву, бесполезно, невосполнимо. Вновь режим открыто продемонстрировал своё бессилие, загнивание и банкротство. Более того, некоторые поражения, приведшие к гибели множества людей, остались необъяснимыми, загадочными, подозрительными. Вскоре по всей стране заговорили не только о преступной небрежности, очевидной бездарности властей, но и об их продажности, шпионаже в верховном главнокомандовании, немецком происхождении правящей династии и многих руководителей страны, наконец, об измене в самом императорском дворе. Членов царской семьи почти открыто обвиняли в прогерманских симпатиях, даже в прямых сообщениях с противником. Императрицу с ненавистью и презрением называли «немкой». Тревожные, мрачные слухи ходили в народе.

Двор это поначалу заботило мало. Затем были предприняты некоторые меры — запоздалые и неловкие. Будучи чисто формальными, они никого не удовлетворили и ни к чему не привели.

Чтобы поднять боевой дух армии и народа, Николай II взял верховное главнокомандование на себя, по крайней мере, номинально, и отправился на фронт. Но это ничего не изменило в общей ситуации, ухудшавшейся день ото дня, которую царь, абсолютно бездарный и бездеятельный, был не способен как-либо изменить. В армии и стране всё разваливалось.

Либеральные круги (и даже ближайшее окружение царя), отдававшие себе отчёт в отчаянном положении, строили заговоры. Они хотели заставить государя отречься от престола в пользу человека более деятельного и популярного, например, великого князя Николая, дяди царя, «чтобы выиграть войну и спасти правящую династию», неизбежное падение которой предчувствовали все.

Начали с уничтожения ненавистного Распутина. Но затем среди заговорщиков возникли колебания, разногласия, и дело затянулось.

Вот в каких обстоятельствах разразилась февральская революция.

Взрыв был вызван не столько событиями на фронтах, слухами об измене двора или же бездарностью и непопулярностью царя.

Чашу терпения народных масс переполнил главным образом полный развал хозяйства — то есть самой жизни страны. «Дезорганизация такова, — признавал министр Кривошеин, говоря об администрации и всех государственных службах, — будто мы находимся в сумасшедшем доме». Именно бессилие царского правительства и его разрушительные последствия в этой сфере вынудили народные массы не откладывать решительные действия.

В то время все воюющие страны переживали большие трудности экономического и финансового порядка, вызванные необходимостью содержать миллионные армии на огромном протяжении фронта и одновременно обеспечивать нормальную жизнь внутри страны. Эта двойная задача повсюду требовала невероятного напряжения сил. Но везде — даже в Германии, где ситуация была особенно тяжела — с ней более или менее успешно справлялись. Везде, но не в России, где не умели ничего предвидеть, предупредить, организовать[44].

Добавим, что ужасные последствия этого распада Власти и Государства проявились бы ещё быстрее, если бы не усилия **некоторых живых сил страны, таких, как «Союз городов», «Комитет военной промышленности»**[45] и других спонтанно возникших организаций, которые в определённой степени смогли удовлетворить самые насущные потребности армии и страны.

Энергичная и благотворная деятельность этих организаций, а также земств и городских управ — деятельность, подчеркнём, самостоятельная, осуществляемая наперекор законам и сопротивлению бюрократии — принесла очень важный результат. В стране и в армии люди осознали не только полное банкротство царизма, но и *наличие сил, прекрасно способных заменить его*, а также отвратительные попытки агонизирующего режима, опасавшегося этих сил, помешать им и ведущего таким образом всю страну к катастрофе.

Каждый день народ и армия могли своими глазами наблюдать в действии эти свободные Комитеты и Союзы, которые самоотверженно обеспечивали производство, организовывали работу транспорта, наблюдали за складами, гарантировали поступление и распределение провианта и обмундирования и т. д. Ежедневно народ и армия видели, как правительство *препятствует* этой деятельности, нимало не заботясь об интересах страны.

Такая «моральная подготовка» армии и населения страны к падению царизма и его замене другими общественными силами оказала значительное воздействие *на умы*. Она знаменовала собой завершение предреволюционного процесса, заложила последний камень в фундамент подготовки грядущих событий.

В январе 1917 года ситуация обострилась до предела. Экономический хаос, нищета трудового народа, социальная дезорганизация достигли такой степени, что жители некоторых городов — в частности, Петрограда — стали ощущать нехватку не только топлива, мануфактуры, мяса, масла, сахара, но даже хлеба.

В феврале месяце положение ещё более ухудшилось. Несмотря на усилия, предпринимаемые Думой, земствами, городскими управами, всевозможными Комитетами и Союзами, голод начал угрожать не только населению городов, но и армии, снабжение которой становилось всё хуже. Одновременно российские войска потерпели полное поражение на фронте.

В конце февраля страна встала перед окончательной невозможностью — как материальной, так и моральной — продолжать войну. И перед окончательной невозможностью накормить трудящееся население городов.

Царизм не хотел ничего знать. Он слепо упорствовал в своём желании заставить работать старую, окончательно вышедшую из строя государственную машину. Как всегда, самодержавие видело единственное средство разрешения проблем в репрессиях, насилии против деятельных людей и активистов политических партий.

Невозможность для народа продолжать войну и влачить голодное существование, с одной стороны, и слепое упорство царизма, с другой, привели к Революции — всего через два с половиной года после всплеска «великого народного энтузиазма».

24 февраля в Петрограде начались волнения. Вызванные главным образом нехваткой продовольствия, они, казалось, этим и ограничатся. Но на следующий день, 25 февраля 1917 года (по старому стилю) события приняли критический оборот: столичные рабочие, чувствуя солидарность с народом всей страны, уже несколько недель находясь в крайнем возбуждении, голодные, не получавшие даже хлеба, вышли на улицы и решительно отказались расходиться.

Однако в этот день манифестации прошли достаточно мирно. Массы рабочих с жёнами и детьми заполнили улицы с криками: «Хлеба! Хлеба! Нам нечего есть! Дайте нам хлеба или расстреляйте! Наши дети умирают с голода! Хлеба! Хлеба!»

Правительство направило против манифестантов полицию и конные части, казаков. Но в Петрограде войск было немного (если не считать малонадёжных резервистов). Рабочие ничуть не испугались: они рвали перед солдатами рубашки на груди, брали детей на руки и кричали: «Стреляйте, если посмеете! Лучше умереть от пули, чем сдохнуть от голода!». Наконец — это решило дело, — солдаты почти повсюду смешивались с толпой, улыбаясь, не применяя оружия, не слушая команд офицеров. Последние, впрочем, не настаивали. Местами солдаты братались с рабочими, даже передавали им свои винтовки, спешили с лошадой и вливались в приветствующую их толпу манифестантов.

Однако кое-где полиция и казаки нападали на группы манифестантов с красными знамёнами. Несколько человек было убито и ранено.

В казармах столицы и пригородов войска пока не решались встать на сторону Революции. А власти не осмеливались направить их на её подавление.

Утром 26 февраля правительство объявило Думу распущенной.

Это послужило своего рода сигналом, которого все ждали, чтобы перейти к решительным действиям. Новость, моментально распространившаяся повсюду, ускорила события. С этого момента манифестации приняли характер революционного движения. «Долой царизм! Долой войну! Да здравствует революция!» — кричали в толпе, поведение которой с каждым часом становилось всё более решительным и угрожающим. Почти повсюду манифестанты атаковали полицейских. Было подожжено несколько административных зданий, в частности, Дворец Правосудия. Улицы оцетинились баррикадами. Появились многочисленные красные знамёна. Солдаты неизменно сохраняли доброжелательный нейтралитет, но всё чаще вливались в ряды манифестантов. Правительство уже не могло рассчитывать на армию.

Тогда оно бросило против восставших все столичные силы охраны порядка. Полицейские спешно готовились к нападению. Они устанавливали пулемёты на крышах домов и даже на церковных колокольнях, занимали все стратегические позиции. А затем перешли в генеральное наступление против восставшего народа.

Весь день 26 февраля шли жаркие бои. Из многих мест полицию удалось выбить, уничтожить её агентов и заставить замолчать пулемёты. Но полицейские ожесточённо сопротивлялись.

Царя, находившегося на фронте, телеграммой уведомили о серьёзности происходивших событий. Тем временем *Дума объявила свои заседания непрерывными и решила не уступать попыткам распустить её.*

Глава II. Торжество революции

Решающие события произошли 27 февраля.

Рано утром целые подразделения столичного гарнизона, отбросив колебания, восстали, с оружием в руках покинули казармы и после коротких стычек с полицией заняли несколько стратегических пунктов города. Революция отвоёвывала новые плацдармы.

Наиболее решительно настроенная и частично вооружённая толпа восставших собралась на Знаменской площади и на подступах к Николаевскому вокзалу. Правительство направило против них два кавалерийских полка Императорской Гвардии, единственные, на кого ещё могло рассчитывать, а также хорошо вооружённые конные и пешие полицейские подразделения. Кавалерии предстояло довершить работу полиции.

После рукопашной стычки полицейский офицер отдал приказ открыть огонь. И тогда произошло «чудо»: командир гвардейцев обнажил саблю и с криком: «Вперёд, на полицию!» — бросил оба своих полка против сил охраны порядка. Последние в мгновение ока были смяты и разгромлены.

Вскоре сопротивление полиции удалось сломить. Революционные солдаты захватили арсенал и заняли все жизненно важные пункты города. Окружённые лихорадочно возбуждённой толпой, воинские части со знамёнами собрались у Таврического Дворца, где заседал парламент — злосчастная «четвёртая Дума» — и предоставили себя в её распоряжение.

Немного позднее к восставшим присоединились последние части петроградского гарнизона. Столичные вооружённые силы больше не подчинялись самодержавию. Народ добился свободы. Революция торжествовала.

Последующие события достаточно известны.

Было сформировано Временное правительство, состоявшее из влиятельных членов Думы. Народ восторженно приветствовал его.

Провинция с энтузиазмом встретила Революцию.

Несколько воинских подразделений, спешно отозванных с фронта и брошенных по приказу царя против мятежной столицы, не смогли прибыть к месту назначения: с одной стороны, их отказались перевозить железнодорожники; с другой, солдаты перестали повиноваться офицерам и перешли на сторону Революции. Одни возвратились на фронт, другие просто

рассеялись по стране.

Царский поезд, направлявшийся в столицу, был остановлен на станции Дно; ему пришлось повернуть обратно на Псков. Там царь принял делегацию Думы и военачальников, вставших на сторону Революции. Ему пришлось признать очевидное. После некоторых колебаний Николай II подписал отречение от престола от своего имени и от имени своего сына, царевича Алексея.

В тот момент Временное правительство подумывало о том, чтобы возвести на трон брата бывшего императора, великого князя Михаила. Но тот отказался, заявив, что судьбу страны и династии должно решить будущее Учредительное Собрание.

Войска на фронте приветствовали свершившуюся Революцию.

Царизм пал. В повестке дня стояло Учредительное Собрание. До его созыва официальная власть была возложена на Временное правительство. Первый акт победоносной Революции завершился.

Мы рассказали о февральской Революции достаточно подробно с целью показать, что и на этот раз *действия масс были стихийными, явились логически неизбежным завершением длительного периода накопления опыта и идейной подготовки. Они не были организованы, ими не руководила никакая политическая партия. Поддержка вооружённого народа — армии — обеспечила им победу. Элемент организации должен был возникнуть — и возник — уже по завершении решающих событий.*

(Впрочем, из-за правительственных репрессий все центральные органы левых политических партий и их вожди в момент революции оказались вдали от России. Мартов (социал-демократическая партия), Чернов (партия социалистов-революционеров), Ленин, Троцкий, Луначарский, Лозовский, Рыков, Бухарин и другие — жили за границей[46]. Они возвратились на родину только после февральской Революции.)

Следует подчеркнуть ещё один важный момент:

И на этот раз побудительным импульсом для Революции послужила полная невозможность для России *продолжать войну*: невозможность, с которой в своём слепом упорстве правительство не желало считаться. Таков был результат общей дезорганизации, неразрешимого хаоса, в который война ввергла страну.

Глава III. На пути к Социальной Революции

Временное правительство, сформированное Думой, было, разумеется, откровенно буржуазным и консервативным. **Его члены: князь Львов, Гучков, Милюков и другие, почти все (за исключением Керенского, близкого к социалистам) принадлежали к партии кадетов**[47], к привилегированным слоям общества. Для них конец абсолютизма означал окончание Революции. (На самом деле она только начиналась... Сейчас же речь шла о «восстановлении порядка», постепенном улучшении ситуации внутри страны и на фронте, продолжении войны с новыми силами и, главное, спокойной подготовке к созыву Учредительного Собрания, которое призвано было дать стране новые основополагающие законы, установить новый политический режим, новый способ правления и т. д. Так что народу оставалось лишь терпеливо, послушно, со свойственной ему незлобивостью дожидаться милостей, которые изволят оказать ему новые руководители страны.)

Эти новые руководители (Временное правительство), разумеется, были умеренными добропорядочными буржуа, ничем не отличавшимися от своих коллег из «цивилизованных» стран.

Политические устремления Временного правительства не шли дальше конституционной монархии. Хотя некоторые его члены полагали, что впоследствии Россия, возможно станет некой весьма умеренной буржуазной республикой.

До формирования будущего, «постоянного» правительства откладывалось решение аграрной проблемы, рабочего и других животрепещущих вопросов; разумеется, решить их предполагалось по западному образцу, который «себя уже зарекомендовал».

В конечном счёте, Временное правительство верило, что сможет использовать переходный период, по необходимости затягивая его во времени, для того, чтобы успокоить, привести к дисциплине и повиновению народные массы, если они вдруг проявят слишком горячее желание выйти за предначертанные новой властью пределы. Затем предстояло при помощи закулисных манёвров обеспечить «нормальные» выборы в Учредительное Собрание, которое должно было быть умеренным и, разумеется, буржуазным.

Даже забавно, насколько эти «реалисты», опытные политики, образованные экономисты и социологи ошиблись в своих предположениях и расчётах. *Они совершенно не поняли происходящего.*

Помню, как в апреле или мае 1917 года в Нью-Йорке я присутствовал на выступлении почётного российского профессора, подробно разобравшего состав и деятельность

будущего Учредительного Собрания. Я задал уважаемому профессору только один вопрос: *что, на его взгляд, произойдёт в случае, если русская Революция обойдётся без Учредительного Собрания?* Довольно презрительно и иронично маститый профессор заявил в ответ, что он «реалист», а вопрошающий, несомненно, «анархист, фантастические предположения которого его не интересуют». Ближайшее будущее показало, что учёный профессор полностью ошибался, именно он в итоге и оказался «фантастом». В своём двухчасовом докладе он не рассмотрел только одну возможность — *ту, которая через несколько месяцев стала реальностью!*..

Здесь я позволю себе сделать несколько личных замечаний.

В 1917 году господа «реалисты», политические деятели, писатели, профессора — российские и зарубежные — за редкими исключениями высокомерно пренебрегли возможностью победы *большевизма* в русской Революции, и в этом заключалось их глубочайшее заблуждение. Сейчас, когда торжество большевизма — временное, на короткий исторический период — является свершившимся фактом, многие из подобных господ охотно признают и исследуют его. Они даже допускают — и вновь ошибочно — его «важное позитивное значение» и «окончательную победу во всём мире».

Ничуть не сомневаюсь, что с тем же «реализмом», с той же «прозорливостью» и высокомерием эти господа не сумеют вовремя предвидеть и признают только задним числом *торжество — подлинное и окончательное — либертарной идеи в мировой Социальной Революции.*

Временное правительство, конечно, не отдавало себе отчёта в непреодолимых препятствиях, с которыми ему вскоре неизбежно пришлось столкнуться.

Наиболее серьёзным из них был сам характер проблем, которыми Временному правительству предстояло заняться до созыва *Учредительного Собрания*. (Впрочем, власти и мысли не допускали о том, что трудовой народ не захочет ждать его созыва — и будет абсолютно прав.)

Прежде всего, *проблема войны.*

Разочаровавшийся, уставший народ продолжал воевать скрепя сердце или, по меньшей мере, с полным безразличием. Что касается армии, то она физически и морально находилась на пределе сил. Бедственное положение страны и Революция окончательно дезорганизовали её.

Перед правительством стояла альтернатива: либо прекратить войну, заключить сепаратный мир, демобилизовать армию и заняться решением внутренних проблем; либо совершить невозможное и удержать фронт, установить дисциплину, поднять боевой дух армии и продолжать войну, чего бы это ни стоило, по крайней мере, до созыва Учредительного Собрания.

Первое решение было, очевидно, неприемлемо для буржуазного правительства, «патриотического», связанного договором с другими воюющими сторонами и считавшего

«национальным» позором односторонний разрыв этого договора. Более того, будучи «временным», правительство стремилось строго следовать принципу: никаких значительных перемен до созыва Учредительного Собрания, которое получит все права для принятия ответственных решений.

Таким образом, Временное правительство пошло по второму пути. И в этом была его глубокая ошибка.

Необходимо подчеркнуть момент, которому, как правило, не уделяют значительного внимания.

Ни физически, ни морально Россия не могла продолжать войну. Упорное нежелание царского правительства понять это послужило непосредственной причиной Революции. Но, поскольку экономическое положение в стране осталось без изменений, правительство, не отдающее себе отчёта в невозможности вести войну, по логике, ожидала судьба царизма.

Конечно, Временное правительство надеялось изменить порядок вещей: положить конец хаосу, реорганизовать страну, вдохнуть в неё новые силы и т. д. Напрасные иллюзии: ни отпущенное ему время, ни общая ситуация, ни настроения народных масс не позволяли этого сделать.

В России машина буржуазного государства была сломана в феврале 1917 года. Его цели и деятельность всегда противоречили народным интересам и стремлениям. Механизм, ставший на время хозяином страны, починить было невозможно. Ибо *именно народ* — вынужденно либо свободно, — а вовсе не власти, *заставлял «машину» работать*. Выведенный из строя аппарат не мог осуществлять принуждение. *А по своей воле народ* уже не желал идти к чуждым ему целям.

Следовало *заменить* сломанный аппарат другим, приспособленным к новой ситуации, а не тратить время и силы на напрасные попытки починить его и снова пустить в ход.

Буржуазное националистическое правительство не могло этого понять. Оно упорно цеплялось за прежние «механизмы» и проклятое наследие свергнутого режима — войну, что само по себе способствовало постепенному снижению его популярности. А без механизмов принуждения правительство не могло *навязать* продолжение войны.

Эту первую возникшую проблему — важнейшую и насущнейшую — Временному правительству решить так и не удалось.

Второй острой проблемой была *аграрная*.

Крестьяне — 85 процентов населения страны — хотели владеть землёй. Революция сделала это стремление неодолимым. После столетий бесчеловечной эксплуатации крестьянские массы не желали больше ничего знать и слушать. *Им нужна была земля, во что бы то ни стало, и немедленно, безо всяких церемоний*.

Уже в ноябре 1905 года (пока провозглашённые манифестом 17 октября «свободы» оставались в силе) на крестьянском съезде, собравшемся накануне созыва Думы, подобные стремления высказывались многими делегатами.

«Меня возмущает, — говорил представитель крестьян Московской губернии, — всякий намёк на выкуп земли. Предлагается возместить убытки вчерашним крепостникам, которые до сих пор, при содействии чиновников, делают нашу жизнь невыносимой! Разве не достаточно возместили мы им, платя арендную плату? Земля эта обильно полита нашей кровью. Более того: наши бабки грудью кормили охотничьих собак этих господ. Это ли не выкуп? Многие столетия мы были лишь песчинками, которыми играл ветер. А ветром были они. А теперь снова надо им платить? Ну уж нет! Не надо нам никаких дипломатических переговоров: хорош лишь один путь — революционный. Иначе нас не раз ещё обманут. Даже говорить о «выкупе» — значит пойти на сделку. Товарищи, не повторяйте ошибок своих отцов! В 1861 году нас перехитрили: дали чуть-чуть, чтобы народ не забрал всё».

«Мы им никогда землю не продавали, — заявляли крестьяне Орловской губернии, — так что не должны её выкупать. Мы им уже довольно заплатили, трудясь за гроши. Нет! Никакого выкупа! Земля на помещика не с луны свалилась, её захватили его предки».

«Выкуп был бы явной несправедливостью по отношению к народу, — говорили крестьяне Казанской губернии, — народу следует вернуть не только землю, но и то, что он заплатил за аренду. Так как, по сути дела, господа никогда не покупали землю: они её захватили, чтобы позднее продать. Это кража».

«Как! Все эти господа, Орловы, Демидовы, Балашовы, — говорили крестьяне выдающемуся учёному Н. Рубакину между 1897 и 1906 гг., — получили землю от царей и цариц бесплатно, в подарок. А нам теперь нужно выкупать её по сходной цене? Это даже не несправедливость, а открытый грабёж».

Вот почему крестьяне не хотели ждать. Повсюду они решительно захватывали землю и изгоняли тех помещиков, которые ещё не успели бежать. Так крестьянство, не дожидаясь решений правительства или Учредительного Собрания, самостоятельно и на свой лад решало «аграрную проблему».

Армия, состоявшая в основном из крестьян, разумеется, готова была поддержать эти действия.

Правительство встало перед выбором: либо смириться с подобным положением вещей, либо воспротивиться, то есть начать борьбу против восставшего крестьянства, а значит, почти наверняка против армии. Естественно, оно избрало тактику выжидания, надеясь, как и в случае с военной проблемой, что ловкими и хитроумными манёврами сумеет всё уладить. Оно заклиняло крестьян потерпеть и дожидаться Учредительного Собрания, которое сможет принять какие угодно законы и, несомненно, полностью удовлетворит крестьянские нужды. Но ничего не могло поделать. Призывы его оставались напрасными, подобная тактика не имела никаких шансов на успех. Крестьянин нисколько не верил словам «вельмож», стоявших у власти. Его и так слишком часто обманывали! Теперь он чувствовал в себе

достаточно сил, чтобы просто *взять* землю. Он это считал справедливым и если порой колебался, то лишь опасаясь наказания за содеянное.

Точно также буржуазное правительство не было способно разрешить и *рабочий вопрос*. Рабочие массы стремились получить от революции максимум благосостояния и прав. А правительство, естественно, хотело свести их права к минимуму. И на этом поле боя следовало в ближайшем будущем ожидать очень важных сражений. А какими средствами располагало Временное правительство, чтобы проводить свою линию?

Одной из самых серьёзных проблем являлась и *проблема экономическая*, поскольку, с одной стороны, была тесно связана с остальными, а с другой, требовала незамедлительного решения. В разгар войны и Революции, в хаосе и волнениях, охвативших страну, необходимо было вновь наладить производство, транспорт, обмен, финансы и т. д.

Наконец, остро стояла *политическая проблема*. И в этой сфере Временное правительство не предложило никакого достойного решения. Разумеется, оно пообещало как можно скорее созвать Учредительное Собрание. Но мешали тому множество причин. И главное, правительство *опасалось* этого Собрания. Вопреки всем обещаниям, тайным стремлением властей было как можно дольше *тянуть* с его созывом, а тем временем попытаться установить «конституционную» монархию. Но «тем временем» перед ним встали новые грозные препятствия.

Самым серьёзным из них было *возрождение рабочих Советов*, в частности, Петроградского. Он возник уже в первые дни Революции, за отсутствием, как и в 1905 году, других рабочих организаций. Разумеется, в тот момент рабочие делегировали в Совет умеренных социалистов (меньшевиков и правых эсеров). Но тем не менее его идеология и программа полностью противоречили проектам Временного правительства, и между ними, естественно, вскоре возникло соперничество, в котором правительство, учитывая идейное влияние и активность Совета, проиграло.

Петроградский Совет стал для России чем-то вроде второго правительства. Он положил начало созданию широкой сети Советов в провинции и координировал их деятельность. Поддержка всего трудового народа страны придала ему силу. Росло его влияние в армии. Вскоре приказы и распоряжения Совета стали ставиться выше, чем соответствующие документы Временного правительства. В этих условиях последнему пришлось считаться с Советами.

Само собой, правительство предпочло бы повести с ними борьбу. Но предпринять решительные действия против организованных рабочих сразу же после Революции, провозгласившей абсолютную свободу слова, организации и общественной деятельности, было невозможно. И потом, на какие силы опираться в этой борьбе? Таких сил не было.

Так что правительству пришлось делать хорошую мину при плохой игре, терпеть своего грозного соперника и даже «заигрывать» с ним. Официальные власти прекрасно отдавали себе отчёт, сколь ненадёжна была поддержка, которую им пока оказывали трудящиеся массы и армия. И понимали, что в случае первого же серьёзного социального конфликта обе

эти решающие силы, бесспорно, встанут на сторону Советов.

В то же время правительство «тешило себя надеждами». Главным для него было выиграть время. Но столь неудобное присутствие второго, неофициального «органа управления», с которым приходилось считаться, являлось для «временного правительства» — официального, но бессильного — одним из самых главных препятствий.

Ему не следовало пренебрегать и *решительной критикой, мощной пропагандой всех социалистических партий и особенно крайне левых элементов* (левых эсеров, большевиков, анархистов). Потому что правительство и думать не могло о том, чтобы репрессивными мерами положить конец свободе слова. А если бы осмелилось, какие силы стали бы исполнять его приказы? Таких не было.

Даже мощной, организованной и закалённой в бурях буржуазии, выдержавшей уже не один бой с противниками, обладавшими немалой силой (армией, полицией, денежными средствами и т. д.), было бы непросто найти приемлемое решение такого комплекса проблем и навязать свою волю, захватить всю полноту власти в этих условиях. *В России подобной буржуазии не было.* Российские капиталисты только формировались как класс со своим собственным классовым сознанием. Слабые, неорганизованные, не имевшие ни собственных традиций, ни исторического опыта, они не могли надеяться на успех. И потому пребывали в бездействии.

Временное правительство, которое «в принципе» должно было представлять эту бездейственную, практически не существующую буржуазию, неизбежно работало вхолостую. И это, несомненно, явилось основной причиной его банкротства.

Глава IV. На пути к социалистическому правительству? Нищета социализма

Первое «Временное правительство», по сути своей буржуазное, вскоре явно продемонстрировало своё смехотворное и гибельное бессилие. Методы, которое оно использовало, только подчёркивали его убогость: правительство колебалось, виляло, «тянуло», в том числе и с решением всех животрепещущих проблем. С каждым днём усиливалась критика и общее недовольство этим правительством-призраком. Вскоре его дальнейшее существование стало невозможным. Всего через два месяца, 6 мая, ему пришлось уступить место так называемому «коалиционному» правительству (с участием социалистов), самым влиятельным членом которого был Керенский, очень умеренный эсер (или, вернее, «независимый» социалист).

Могло ли это социал-буржуазное правительство рассчитывать на лучшие результаты? Конечно, нет. Ибо оно было поставлено в точно такие же условия, как и предыдущее. Вынужденное опираться на бессильную буржуазию, продолжать войну, неспособное реально решить всё более усугубляющиеся проблемы, подвергавшееся мощным нападкам слева и ежечасно бьющееся в тисках разного рода трудностей, второе временное правительство бесславно закончило своё недолгое существование (2 июля) и уступило место третьему, не менее «временному» правительству, состоявшему из социалистов с участием отдельных буржуазных элементов.

Керенский, руководитель третьего, а затем четвёртого правительства (не сильно отличавшегося от предыдущего) стал на некоторое время своего рода российским дуче, а Партия эсеров, тесно сотрудничавшая с меньшевиками, казалось, окончательно взяла верх, возглавив Революцию. Ещё один шаг — и страна имела бы социалистическое правительство, опиравшееся на реальные общественные силы: крестьянство, рабочий класс, значительную часть интеллигенции, Советы, армию и др.

Этого не произошло.

Поначалу последнее правительство Керенского казалось очень сильным. Оно действительно *могло стать таковым*.

Сам Керенский, адвокат и депутат социалистической ориентации, пользовался очень большой популярностью, в том числе в широких народных массах и армии. Его речи в Думе накануне Революции имели огромный успех. С его приходом к власти в стране связывали большие надежды. Он мог без колебания опираться на Советы — то есть на весь трудящийся класс, — потому что в то время подавляющее большинство их делегатов было социалистами, и Советы полностью находились в руках правых эсеров и меньшевиков.

В первые недели правления Керенского было опасно публично критиковать его — столь большим доверием пользовался он в России. Это почувствовали на себе некоторые крайне левые агитаторы, осмелившиеся публично выступить против Керенского. Имели место даже случаи линчевания.

Чтобы использовать все эти важные преимущества, Керенскому было необходимо выполнить — но выполнить эффективно и на деле — *только одно условие*: то, которое в своё время провозгласил Дантон. Ему нужна была *смелость, смелость и ещё раз смелость*.

Но именно этого качества Керенский был полностью лишён!

В сложившейся ситуации «смелость» для него означала: 1) немедленное прекращение войны; 2) окончательное отстранение от власти капиталистов и буржуазии (то есть формирование социалистического правительства); 3) немедленная переориентация всей экономической и социальной жизни страны на путь социализма.

Всё это, впрочем, было бы совершенно логичным и закономерным для правительства *социалистической* направленности, с социалистическим большинством и руководителем-социалистом... Но нет! Вместо того, чтобы осознать историческую необходимость, воспользоваться благоприятным моментом, двинуться вперёд и реализовать наконец подлинную социалистическую программу, российские социалисты и сам Керенский остались в плену своей половинчатой «программы-минимум», которая непреложно предписывала им бороться за *буржуазную демократическую республику*.

Вместо того, чтобы открыто стать на сторону трудящихся масс и способствовать их освобождению, социалисты и Керенский, пленники своей откровенно слабой идеологии, не нашли ничего лучшего, как проводить политику, выгодную российскому и международному капитализму.

Керенский не посмел ни прекратить войну, ни отвернуться от буржуазии и решительно опереться на трудящиеся классы, ни, тем более, продолжить Революцию! (Он не осмелился даже ускорить созыв Учредительного Собрания.)

Он хотел продолжать войну! Любой ценой и любыми средствами!

С этой целью Керенский провёл комплекс реформ, означавших возврат к прошлому: восстановление смертной казни и военно-полевых судов на фронте, репрессивные меры в тылу; затем предпринял ряд поездок на фронт, где произносил пламенные речи, рассчитывая таким образом возродить боевой энтузиазм солдат. Он понимал, что война продолжается только по инерции. И, не учитывая реальное положение вещей, хотел

придать ей новый импульс речами и принуждением.

Керенский выступал так много, что народ вскоре переименовал его из «главнокомандующего» (которым он являлся, будучи председателем совета министров) в «главноуговаривающего».

Ему понадобилась пара месяцев, чтобы растерять всю свою популярность, особенно среди трудящихся и солдат, которые в конце концов стали откровенно насмехаться над его выступлениями. Они хотели не слов, а *дел*, то есть *мира* и *социальной Революции*. И скорого созыва Учредительного Собрания. (Одной из причин непопулярности временных правительств были их проволочки с его созывом. Этим сумели воспользоваться большевики, сразу после прихода к власти пообещав, в числе прочего, созвать Учредительное Собрание.)

В целом, правительство Керенского потерпело крах по тем же причинам, что и предыдущие правительства: неспособность умеренных социалистов прекратить войну; жалкое бессилие перед лицом стоявших перед страной проблем; намерение заключить Революцию в рамки буржуазного режима.

Ряд обстоятельств и событий — логических последствий этих фатальных ошибок — усугубили ситуацию и ускорили падение Керенского.

Прежде всего, большевистская партия, собравшая в ту эпоху свои лучшие силы и располагавшая мощными средствами пропаганды и агитации, изо дня в день устами тысяч ораторов и публицистов по всей стране умело, содержательно, решительно критиковала политику и действия правительства (и всех умеренных социалистов в целом). Она ратовала за немедленное прекращение войны, демобилизацию, продолжение Революции. С предельной энергией несла она в массы свои социальные и революционные идеи, непрерывно повторяя обещания немедленно созвать Учредительное Собрание и быстро решить наконец все насущные проблемы в случае своего прихода к власти. Изо дня в день, без усталости и страха, твердила она одно и то же: *Власть!* «Вся власть Советам!» — повторяла она с утра до ночи. Политическая власть партии большевиков — и всё будет в порядке.

С каждым днём к ней прислушивалось всё больше интеллигентов, рабочих и солдат; поразительно быстро росли её ряды, создавались ячейки на заводах и фабриках. Уже в июне партия большевиков располагала значительным числом активистов, агитаторов, пропагандистов, журналистов, организаторов и людей дела. А также немалыми денежными средствами. Во главе её стоял доблестный центральный комитет под руководством Ленина. ЦК развил небывалую, лихорадочную, бешеную активность и вскоре почувствовал себя, по крайней мере, морально, хозяином положения. Тем более что на крайне левом фланге этой партии не было равных: левые эсеры, гораздо более слабые, могли играть лишь роль попутчиков; анархистское движение только зарождалось; а революционного синдикалистского движения, как мы знаем, не существовало вовсе.

Керенский, чувствуя ослабление своих позиций, *не осмеливался* решительно и прямо атаковать большевиков. Он прибегал к отрывочным полумерам, которые, не в силах подавить противника, лишь прибавляли ему популярности, привлекали внимание, вызывали

уважение и доверие к нему народных масс. В итоге эти робкие поползновения не ослабили, а только усилили большевистскую партию. Кроме того, как и многие другие, Керенский не осознавал грозящей опасности. В то время почти никто не верил в победу большевиков. (Достоверно известно, что даже в самой партии Ленин едва ли не единственный был уверен в успехе и настаивал на подготовке восстания.)

Затем под давлением союзников, ослеплённый своими военными прожектами и, вероятно, собственными речами, 18 июня Керенский развернул злосчастное наступление на немецком фронте, позорно захлебнувшееся, что нанесло непоправимый удар по его популярности. Уже 3 июля в Петрограде началось вооружённое антиправительственное восстание, в котором участвовали и военные (в частности, кронштадтские матросы), под лозунгами: «Долой Керенского! Да здравствует социальная Революция! Вся власть Советам!» На этот раз Керенскому с большим трудом удалось взять ситуацию под контроль. Но он лишился даже тени былого влияния.

Последующие события добились его окончательно. Доведённый до отчаяния развитием Революции и нерешительностью Керенского, «белый» генерал Корнилов снял с фронта несколько тысяч солдат (в большинстве своём кавказские части, которыми было легче управлять и манипулировать), ввёл их в заблуждение относительно происходящих в Петрограде событий и повёл на столицу под командованием преданного генерала, чтобы «покончить с *бандами вооружённых преступников* и защитить правительство, которое не в силах их уничтожить».

По причинам, которые, быть может, впоследствии удастся установить в точности, Керенский оказал Корнилову только видимость сопротивления. Столицу спасли лишь пламенный порыв, невероятные усилия и самоотверженность самих рабочих. С помощью левых из Петроградского Совета несколько тысяч рабочих спешно вооружились и по своей инициативе направились «на фронт», против Корнилова. Исход сражения на подступах к столице оказался неопределённым. Рабочие не уступили ни клочка земли, но оставили на поле боя немало убитых и не были уверены, что на следующий день у них хватит людей и оружия. Но благодаря быстрым и энергичным действиям железнодорожников и служащих телеграфа при решительной поддержке фронтовых солдатских комитетов штаб Корнилова был изолирован от фронта и страны. С другой стороны, ночью корниловские солдаты, удивлённые героическим сопротивлением «бандитов», «преступников» и «бездельников» и почувствовавшие, что их обманули, решили осмотреть тела убитых. Они увидели, что у всех — мозолистые руки настоящих тружеников. Наконец, несколькими петроградским социалистическим объединениям кавказцев удалось направить делегацию в лагерь корниловцев. Делегация вступила в переговоры с солдатами, разъяснила им, что происходит на самом деле, окончательно разоблачила сказку о «бандитах» и убедила прекратить братоубийственную войну. На следующий день солдаты Корнилова заявили, что их обманули, отказались сражаться против своих братьев рабочих и вернулись на фронт. Авантюра провалилась.

На следующий же день общественное мнение обвинило Керенского в тайных сношениях с Корниловым. Так оно было или нет, но слухи широко распространились. Это окончательно подорвало доверие к правительству Керенского и умеренным социалистам вообще. Путь

для решительного наступления партии большевиков был расчищен.

Тогда же произошло событие, имевшее решающее значение. На перевыборах делегатов (Советов, заводских и солдатских комитетов и т. д.) *большевики одержали решительную победу над умеренными социалистами*. Так большевистская партия окончательно поставила под свой контроль всю революционную деятельность рабочих. Содействие левых эсеров обеспечило ей широкие симпатии крестьян. Теперь у неё были прекрасные стратегические позиции для решающего наступления.

В этот момент Ленин выдвигает план, согласно которому будущий Всероссийский Съезд Советов должен будет объявить восстание против правительства Керенского, свергнуть его с помощью армии и привести к власти большевиков.

Открытая и тайная подготовка к выполнению этого плана началась немедленно. Ленин, вынужденный скрываться, руководил операцией на расстоянии. Керенский, ясно ощущая опасность, не в силах был её предотвратить. События быстро развивались, и вскоре предстояло разыграть последний акт драмы.

Подведём итоги.

Все консервативные и умеренные правительства, сменявшие друг друга с февраля по октябрь 1917 года, показали свою неспособность в существующих условиях разрешить исключительно серьёзные и острые проблемы, поставленные перед страной Революцией. Это стало основной причиной последовательного, в течение восьми месяцев, падения консервативно-буржуазного конституционного правительства, буржуазной демократии и, наконец, власти умеренных социалистов.

Решающую роль в этом сыграли два фактора: 1) невозможность для страны продолжать войну и для правительств — прекратить её; 2) общее стремление как можно скорее созвать Учредительное Собрание и нежелание правительств пойти на это.

В числе других факторов меньшей значимости развитие революционного процесса ускорила и мощная пропаганда крайне левых за немедленное прекращение войны, быстрый созыв Учредительного Собрания и подлинную социальную Революцию как единственное средство спасения страны.

Так русская Революция, начавшаяся в феврале 1917 года со свержения царизма, быстро преодолела этапы буржуазной политической революции: демократический и умеренно социалистический.

В октябре были устранены все препятствия на пути окончательного и бесповоротного перерастания Революции в социальную. Совершенно логично и естественно, что после банкротства умеренных правительств и политических партий трудящиеся массы обратили взоры к единственной партии, смело выступавшей за социальную Революцию, единственной, которая обещала, при условии её прихода к власти, быстрое и положительное решение всех проблем: *партии большевиков*.

Повторяем, *анархистское* движение было в ту пору ещё очень слабым, чтобы оказывать непосредственное влияние на события. А *синдикалистского* движения не существовало вообще.

С *социальной* точки зрения ситуация складывалась следующая:

В обществе наличествовали три основных составляющие: 1) буржуазия; 2) рабочий класс; 3) партия большевиков, выступавшая как идеологический «авангард».

Буржуазия, как известно читателю, была слаба. Большевистской партии оказалось не слишком трудно подавить её.

Рабочий класс также был слаб. Неорганизованный (в прямом смысле слова), не имевший классового опыта и, главное, не осознававший своих подлинных задач, он не был способен действовать самостоятельно. Он положился на большевистскую партию, которая и взяла его деятельность в свои руки.

Здесь необходимо сделать замечание, немного опережающее события, но позволяющее читателю лучше разобраться в них.

Эта слабость российского рабочего класса предопределила последующие события и вообще всё развитие Революции. (Нам уже приходилось говорить о роковом «пассиве» прерванной революции 1905–1906 гг.: *рабочий класс не завоевал права на организацию*, остался раздроблённым. В 1917 году это проявилось во всей полноте.)

Партия большевиков, как мы говорили, взяла дело в свои руки. И вместо того, чтобы просто *помочь* трудящимся в их борьбе за доведение Революции до конца — за освобождение, — вместо того, чтобы выполнять функцию, которую отводил ей рабочий класс, — функцию революционных идеологов, не требующую ни взятия, ни осуществления «политической власти»[48], — партия большевиков, придя к власти, повела себя как *полновластный господин*; быстро переродилась в привилегированную касту и затем *подавила и подчинила себе рабочий класс*, чтобы по-новому эксплуатировать его в своих собственных интересах.

Это извратило, исказило ход всей Революции. Ибо когда народные массы осознали, в чём заключалась гибельная ошибка, было уже поздно: после борьбы с новыми властителями, хорошо организованными и располагавшими достаточными материальными, административными, военными и полицейскими ресурсами — борьбы ожесточённой, но неравной, которая длилась три года и осталась практически неизвестной за пределами России — народ потерпел поражение. И на этот раз подлинная освободительная Революция была подавлена — самими «революционерами».

Глава V. Большевицкая Революция

Начиная с октября близится развязка. Народные массы готовы к новой революции. Это убедительно доказывают отдельные стихийные восстания, начавшиеся в июле (в Петрограде, Калуге, Казани) и массовые волнения, в том числе в армии, по всей стране.

Большевицкая партия видит, что отныне может опереться на две реальные силы: она пользуется поддержкой широких народных масс и подавляющего большинства армии. Партия переходит к действиям и занимается лихорадочной подготовкой к решающему сражению, которое хочет провести по-своему. Её агитация достигает небывалого размаха. Она завершает подготовку рабочих и военных кадров для решающего боя. А также окончательно организует свои собственные партийные кадры и составляет на случай успеха список будущего большевицкого правительства во главе с Лениным. Последний внимательно следит за событиями и отдаёт необходимые распоряжения. Троцкому, его деятельному помощнику, вернувшемуся несколько месяцев назад из США, куда в конце концов перебрался после побега из Сибири, также предстоит занять важное место в новом правительстве.

Левые эсеры действуют согласованно с большевиками.

Анархо-синдикалисты и анархисты, малочисленные и плохо организованные, но также очень активные, делают, со своей стороны, всё возможное, чтобы поддержать народное выступление против Керенского. Однако они стремятся направить будущую Революцию не по политическому пути, пути завоевания власти партией, а по пути подлинно социальному: к свободной организации и сотрудничеству на основе либертарных принципов.

Последующие события хорошо известны. Вкратце напомним их.

Убедившись в крайней слабости правительства Керенского, завоевав симпатии подавляющего большинства трудящихся масс и обеспечив себе активную поддержку Кронштадтского флота, всегда стоявшего в авангарде Революции, и значительной части Петроградского гарнизона, Центральный Комитет партии большевиков назначил восстание на 25 октября (7 ноября по новому стилю). В тот день должен был собраться Всероссийский съезд Советов.

По мысли членов ЦК, съезд — подавляющее большинство делегатов которого являлись большевиками и слепо следовали указаниям партийного руководства — должен был, в случае необходимости, провозгласить и поддержать Революцию, объединить все революционные силы страны, противостоять возможному сопротивлению Керенского и т. д.

Восстание произошло вечером 25 октября. В тот же день в Петрограде собрался Съезд Советов. Но его вмешательства не потребовалось.

Не потребовалось ни уличных боёв, ни баррикад, ни широкомасштабных боевых действий.

Всё произошло быстро и просто.

Покинутое всеми, но ещё питавшее какие-то несбыточные **надежды, правительство Керенского заседало в Зимнем Дворце. Его защищали «элитный»**[49] и женский батальоны, а также горстка юнкеров.

Действуя по плану, составленному ЦК партии в тесном сотрудничестве со Съездом Советов, преданные большевикам военные части окружили Зимний и атаковали его защитников. Их действия были поддержаны военными кораблями балтийского флота, прибывшими из Кронштадта и стоявшими на Неве, в частности, крейсером «Аврора».

После короткой перестрелки и нескольких выстрелов из пушек крейсера большевики захватили Зимний.

Керенскому удалось бежать. Другие члены правительства были арестованы.

Таким образом, в Петрограде восстание свелось к простой военной операции, организованной партией большевиков. Центральный Комитет по праву победителя занял пустующий зал заседаний правительства. Это был фактически дворцовый переворот.

Попытка Керенского повести в наступление на Петроград несколько отозванных с фронта частей (казаков и всё ту же кавказскую дивизию) провалилась — благодаря решительному вмешательству вооружённых рабочих столицы и спешно прибывших им на помощь кронштадтских матросов. В сражении под Гатчиной (неподалёку от Петрограда) войска Керенского были частично разбиты, а частично перешли в революционный лагерь. Керенскому удалось спастись и бежать за границу.

В других местах взять власть большевикам оказалось не так легко.

В Москве ожесточённые бои между силами революции и реакции продолжались десять дней. Было много жертв. Несколько кварталов города сильно пострадали от артиллерии. В итоге победила Революция.

В некоторых других городах победа также досталась дорогой ценой.

Деревня в целом оставалась спокойной или, скорее, безразличной. Крестьяне были слишком заняты своими делами: уже давно они самостоятельно решали «аграрную проблему». К тому же крестьяне не видели ничего плохого в том, что большевики взяли власть. С того момента, как захватили землю и перестали опасаться возврата помещиков, они были более или менее удовлетворены, и их мало заботило, кто занимал трон. От большевиков они не ожидали ничего плохого, а также слышали, что те хотят прекратить войну, и это, на их взгляд, было совершенно справедливо и разумно. Так что у крестьян не было никаких

причин выступать против новой революции.

Сам ход Революции прекрасно иллюстрирует бессмысленность борьбы за «политическую власть». Если последняя по тем или иным причинам пользуется поддержкой значительной части населения и особенно армии, бороться против неё невозможно; так что не стоит и нападать. Если, напротив, большинство населения и армия от неё отвернулись — как происходит во время подлинной Революции, — то не стоит обращать на неё большое внимание: она рухнет как карточный домик от самого незначительного движения вооружённого народа. Внимание следует уделять не *«политической»* власти, а *реальной власти революции*, её стихийным потенциально неистощимым силам, её неодолимому порыву, беспредельным горизонтам, которые она открывает, короче говоря, всем огромным возможностям, которые она несёт в себе.

Однако, как нам известно, во многих регионах — в частности, на востоке и юге страны — большевикам не удалось одержать полной победы. Вскоре заявили о себе контрреволюционные силы; они окрепли и вызвали Гражданскую войну, продлившуюся до конца 1921 года.

Одно из них, руководимое генералом Деникиным (1919 г.) обрело угрожающие для большевистской власти масштабы. Летом этого года из Южной России (Дон, Кубань, Украина, Крым, Кавказ) армия Деникина дошла почти до Москвы. (Далее читатель узнает, в чём заключалась сила этого движения и как удалось избежать грозившей опасности, и на этот раз независимо от «политической власти» большевиков, готовой было пойти на попятный.)

Очень опасным был и мятеж белого генерала Врангеля[50].

Реальная угроза исходила и от движения под военным командованием адмирала Колчака на востоке страны.

Другие контрреволюционные выступления, вспыхивавшие в разных регионах, были не столь значительны.

Большинство этих движений в определённой степени пользовались поддержкой, в том числе материальной, иностранных интервентов. **Другие поддерживались и даже политически руководились умеренными социалистами: правыми эсерами и меньшевиками[51].**

С другой стороны, власти большевиков приходилось вести длительную и трудную борьбу против: 1) своих бывших союзников, левых эсеров; 2) *анархистского движения*. Естественно, левые боролись с большевиками не на стороне контрреволюции, напротив, они действовали во имя «подлинной социальной Революции», преданной, как они считали, стоявшей у власти партией большевиков.

Мы подробнее рассмотрим все эти движения в последней части нашей книги. Здесь же отметим, что возникновение и особенно масштабы контрреволюции явились неизбежным результатом несостоятельности большевистской власти, её неспособности организовать

новую экономическую и общественную жизнь. Далее читатель увидит, какое *реальное* развитие получила октябрьская Революция, и какими средствами новой власти удалось в конце концов утвердиться, овладеть положением и по-своему «решить» проблемы Революции.

В общем и целом, только начиная с 1922 года стоявшие у власти большевики смогли окончательно почувствовать себя — по крайней мере, на определённый исторический момент — хозяевами положения.

Потрясения, вызванные взрывом 1917 года, завершились. Теперь на развалинах царизма и феодально-буржуазной системы предстояло начать строительство нового общества.

Примечания

[1] В 1873–1875 гг. в лагере пугачевцев было разработано несколько «манифестов», широко распространявшихся в народных массах и формулировавших цели повстанцев: уничтожение крепостной зависимости, податей и повинностей, получение земель и др. угодий, вольное общинное (казацкое) самоуправление. Впрочем, слепая и наивная вера в справедливого народного «царя-батюшку» действительно была присуща движению.

[2] Можно говорить лишь об одной «попытке возмущения в провинции» — восстании Черниговского полка в декабре 1825-январе 1826.

[3] Можно обнаружить определённую аналогию между ситуацией в России в XIX веке, до Революции 1917 года, и положением во Франции в веке XVIII, перед Революцией 1789 года. Но, разумеется, у России имелись свои особенности.

[4] Представление о том, что чуть ли не вся интеллигенция к концу правления Николая I «решительно выступала против ... самодержавия» кажется преувеличением. Это относится, пожалуй, лишь к столичной молодой интеллигенции и отдельным представителям интеллигенции провинциальной.

[5] Первые революционные и социалистические группы появились в России в 1860-х гг.: «первая» «Земля и Воля», кружок Ишутина, «Народная Расправа» С. Нечаева и др.

[6] «Охранка» (охранные отделения) возникла в 1880-х гг. Имеется в виду Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, созданное в 1826 г.

[7] 1853–1856 гг. — *Прим. перев.*

[8] Добавим характерную деталь, иллюстрирующую отношение инженеров-исполнителей к «монаршему повелению»: железнодорожный путь, начерченный по линейке, действительно идёт по прямой линии, — но в том месте, где палец Николая I прижимал к карте линейку, «высочайший карандаш» сделал небольшую дугу. Дорогу строили с учётом этого случайного изгиба. (сравните историю утверждения И. Сталиным проекта гостиницы «Москва».)

[9] В 1862–1865 гг. произошло несколько покушений польских революционеров и сочувствующих им российских офицеров-«землевольтёров» на представителей царской администрации. В 1866 и 1867 было два неудачных покушения одиночек на Александра 2. В 1869 С. Нечаев, а в начале 1872 в лидер одного из бакунистских кружков Каблиц вынашивали замыслы цареубийства, не имевшие никакого реального воплощения. О переходе к террору русских революционеров можно говорить лишь с 1878 года, с покушения Веры Засулич на Петербургского градоначальника Трепова и создания «Исполнительного комитета Земли и Воли».

[10] Апогеем этих репрессий стал чудовищный «процесс 193-х».

[11] Терроризм «Народной Воли» традиционно преувеличивается многими историками и массовым сознанием, чего не избежал и Волин. Организацией покушений занималась лишь небольшая часть «народовольцев», — несколько десятков человек, которые, к тому же, вели и другую революционную работу (это резко отличает их от членов Боевой организации ПСР). «Народная Воля» в период своего расцвета (1879–1882) состояла из 80–90 организаций и около 200 кружков, которые вели преимущественно пропагандистско-агитационную работу.

[12] Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (РСДРП) образовалась в 1898 г. Наряду с ПСР — одна из двух крупнейших социалистических партий России первой трети 20 века. В СССР действовала до рубежа 1920-30-х гг., за границей — до начала 1950-х.

[13] Крупнейшим организованным правительством актом явился Кишинёвский погром 1903 г.

[14] Истоки партии социалистов-революционеров, о создание которой было провозглашено на рубеже 1901–1902, лежат в «неонароднических» группах и организациях, действовавших в России и за рубежом с начала-середины 1890-х гг. Само название ПСР (с добавлением «Южная») появилось ещё в 1897.

Партия Социалистов-Революционеров (ПСР) оформилась в 1902 г. на базе нескольких неонароднических организаций, существовавших с начала-середины 1890-х. Наряду с РСДРП — крупнейшая социалистическая партия России первой трети 20 века. Прекратила существование в Советской России на рубеже 1920-30—х гг., последние эмигрантские группы — в конце 1960-х.

[15] Волин присоединился к анархистам после 1908, и история зарождения анархического движения в России была ему, видимо, слабо знакома. В период до революции 1905 года анархические группы существовали лишь в западных и южных губерниях страны (в 1904 возникли также первые группы на Кавказе и на Урале); в Петербурге и Москве первые анархические кружки появились только весной-летом 1905. Центрами движения в это время были Белосток и Одесса; роль заграничного центра с успехом выполняла Женева, где с 1903 года издавался журнал «Хлеб и Воля», а также Лондон (группа, руководимая Кропоткиным) и Париж («Издательская группа «Анархия»). Нельзя полностью согласиться с Волиным и в том, что регулярные контакты между анархическими группами полностью отсутствовали: организации обменивались своими активистами, выезжавшими в другие города для укрепления местной работы (особенно значительна в этом отношении роль, сыгранная Белостоком), оружием и литературой; в конце 1904 состоялся даже Лондонский съезд русских анархистов-коммунистов, собравший представителей целого ряда групп. Несомненно, однако, то, что анархическое движение, появившееся в России в 1900–1903 гг., резко уступало по численности, влиянию и т. д. социал-демократии и с. — рам, работавшим уже не один десяток лет.

[16] Кропоткин эмигрировал из России после разгрома «Общества чайковцев» и «движения в народ», в 1876 году.

[17] Зубатов не был агентом тайной полиции: он занимал пост начальника Московского охранного отделения. Не совсем верно называть «агентом» и Гапона: он не был (по крайней мере до конца 1905 г.) платным сотрудником какой-либо из полицейских служб.

[18] Точное название организации, созданной Г. Гапоном в 1904 г.: «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга».

[19] Волин, несмотря на своё личное знакомство с Гапоном, очень упрощает эту необычную фигуру. Георгий Гапон, по мнению как ряда современников (например, П. Рутенберг), так и нынешних историков, искренне верил в то, что проповедовал рабочим, а 9 января 1905 года, идя впереди колонны демонстрантов, действительно хотел «пострадать за народ». Знаменитая фраза, всколыхнувшая всю Россию в день «Кровавого воскресения» — «У нас нет больше царя!» — написана именно им, вечером того же трагического дня. Власти (прежде всего Зубатов) лишь умело использовала в собственных интересах «запутавшегося попа», или, говоря «современным языком», — «использовала его втёмную».

[20] Члены этой делегации (в которую входили М. Горький, А. Пешехонов, Л. Андреев и некоторые другие социалистически и либерально настроенные интеллигенты) были арестованы сразу после 9 января по обвинению в государственной измене. Из заключения и ссылок их освободил лишь манифест 17 октября.

[21] По официальным данным (сильно заниженным), 9 января 1905 было убито 96 и ранено 330 человек. По подсчётам журналистов-очевидцев событий, убито и ранено было не менее 4,5 тысяч человек.

[22] Волин имеет в виду историографию именно Петербургского Совета. Советская историческая наука считала, что первый Совет возник в ходе стачки в Иваново-Вознесенске, в середине мая 1905 г (под названием «Совет уполномоченных»).

[23] Комиссия под председательством сенатора Шидловского создана правительством 29 января 1905 года, официально «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе Санкт-Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых». Комиссия должна была состоять из представителей власти, фабрикантов и рабочих, причём выборы рабочих делегатов сопровождались относительно свободной предвыборной агитацией по всем предприятиям города. Выборщики от рабочих, среди которых преобладали социал-демократы, на своём совещании 17 февраля выдвинули ряд ультимативных политических требований, которые правительство отказалось принять, — после чего комиссия Шидловского бойкотируется петербургскими рабочими.

[24] Советская историография приписывала создание Советов исключительно большевикам, — несмотря на то, что 3-й съезд РСДРП недвусмысленно назвал всякие проекты и попытки создания органов власти или самоуправления, помимо «Временного революционного правительства», — утопическими и вредными. За создание подобных органов «революционного самоуправления» выступали с весны 1905 года меньшевики, которые, на этом основании, считали Советы реализацией своих идейно-тактических установок, — но меньшевистская концепция предполагала деятельность «народных», созданных всеми

слоями населения (в т. ч. и оппозиционной царизму буржуазией), учреждений, а не чисто-рабочие Советы. Волин совершенно прав, когда отвергает претензии обеих фракций социал-демократии на их якобы решающую роль в создании Советов: они возникли совершенно неожиданно для РСДРП и во многом вопреки её программе.

Ленин в одной из своих работ и Бухарин в «Азбуке коммунизма» между делом утверждают, что «Советы» были стихийно созданы рабочими в 1905 году; но они не дают никакого уточнения и позволяют предположить, что рабочие эти были большевиками или, по меньшей мере, сторонниками последних.

[25] Здесь мне необходимо сделать одну оговорку. Я уже рассказывал о создании Совета в своей небольшой статье о русской Революции, опубликованной Себастьяном Фором в «Анархистской Энциклопедии» (слово «Революция»). Затем С. Фор издал сборник «Подлинная социальная революция», где перепечатал несколько статей из «Энциклопедии», в том числе мою. Для «широкой публики», не читающей анархическую литературу, приведённые факты остались незамеченными.

[26] К январю 1905 г. с. — ров в Петербурге практически не имелось, поэтому партия никак не проявила себя в событиях 9 января. Петербургский Комитет РСДРП все свои агитационные и издательские силы бросил на то, чтобы не допустить демонстрации, и даже накануне, 8 января выпустил соответствующую прокламацию к рабочим. Лишь в ночь на 9 января Комитет принял решение о присоединении к шествию.

[27] У Носаря была жена, судьба которой мне неизвестна, и младший брат, Степан. Я встретил его позднее в тюрьме, а затем потерял из виду. Эти люди, если они ещё живы, могут подтвердить мой рассказ.

[28] Троцкий был избран председателем Петербургского Совета 27 ноября 1905, а уже 3 декабря арестован вместе с большинством депутатов (свыше 200 человек). Попытка воссоздать Совет окончилась неудачей в условиях реакции, наступившей после подавления Декабрьского восстания в Москве.

[29] «Союз Союзов» — объединение профессионально-политических союзов, объединявших преимущественно либеральную интеллигенцию (врачи, адвокаты, учителя и т. д.). Создан в мае 1905 на съезде представителей 14 союзов. Распался в конце 1906.

«Союз Освобождения» — нелегальная организация либералов во главе с П. Струве, созданная в середине 1903. Издавала журнал «Освобождение», нелегально доставлявшийся в Россию из-за границы. В конце 1905 вошла в партию кадетов.

«Партия конституционалистов-демократов» («Партия народной свободы»; кадеты) — основная партия российской буржуазии. Создана в октябре 1905, очень быстро теряет оппозиционный характер, фактически поддерживая правительство по всем основным вопросам (особенно перед и во время первой мировой войны). В короткий период весны-лета 1917 была фактически правящей. Распалась в эмиграции в 1920-30-х гг.

[30] «Всероссийский Крестьянский Союз» (ВКС) — беспартийная революционно-демократическая организация, созданная летом 1905. Среди лидеров ВКС имелись как либералы, так и члены социалистических партий. К началу 1906 Союз насчитывал до 200 тысяч членов и был самой массовой политической организацией России. С лета 1906 начался распад ВКС, вызванный как репрессиями, так и внутренними расколами.

[31] Нелишне подчеркнуть, что лозунг ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ был сформулирован и выдвинут анархистами как революционная альтернатива участию рабочего класса в политической борьбе, и в течении почти двадцати лет подвергался жесточайшей критике со стороны всех партий и течений государственного социализма (не исключая большевиков) как вредный и утопический, совершенно невозможный практически.

[32] «Союз 17 октября» («октябристы») — консервативная партия, созданная дворянскими и крупно-буржуазными кругами в конце 1905 г. Неизменно поддерживала царское правительство. Распалась после революции 1917 г.

[33] «Союз русского народа» (СРН) — крайне правая, реакционно-монархическая и националистическая организация, созданная объединением соответствующих небольших партий и организаций в 1905–1906 гг. Несмотря на поддержку правительства и официальной церкви, уже через несколько лет после создания СРН начал раскалываться и распадаться, положив начало нескольким черносотенным организациям. После Февральской революции 1917 деятельность прекратилась.

[34] Имеются в виду «Трудовая группа» и «Партия социалистов-народников» (последняя из них отделилась от ПСР в 1906 году) — организации умеренно-социалистических, преимущественно интеллигентских кругов. После поражения революции 1905–1907 обе организации фактически распались, их деятельность сосредоточилась исключительно в Государственной Думе. В 1917 объединились в «Трудовую народно-социалистическую партию».

[35] Характеристика большевизма, данная здесь Волиным, верна лишь для 1917 года. Большевики 1900-х годов не отрицали ни программу-минимум, ни подразумевавшуюся этой программой буржуазно-демократическую революцию. Разногласия с меньшевиками в первые годы раскола социал-демократии на две фракции касались, прежде всего, стратегии и тактики в условиях буржуазной, антифеодальной революции.

[36] «Союз социалистов-революционеров-максималистов» (ССРМ, «максималисты») — крайне левая неонародническая организация. Максимализм появился в недрах ПСР накануне революции 1905 г., а в 1906 году порвал с партией окончательно, создав собственную организацию. Практическая деятельность большинства максималистских групп свелась к террору. После поражения революции 1905–1907 СССРМ распался. Был восстановлен в 1917 году, блокировался с левыми с.-р., существовал до конца 1920-х гг.

[37] Юля, термин переведён неверно: максималисты использовали термин «Трудовая республика», который имел вполне конкретное содержание. Нужно поэтому убрать из текста «Республику трудящихся».

[38] В короткий период «свобод» (конец 1905–1906 гг.) анархистами, прежде всего в Москве, явочным порядком было легально издано несколько работ Бакунина, Кропоткина и других авторов.

[39] В 1905–1906 гг. анархисты участвовали в вооружённых восстаниях в Москве, Кутаиси, Донбассе и некоторых других местах, в партизанском движении в Прибалтике и на Урале. Анархисты входили в число лидеров и организаторов нескольких крупных стачек (в Одессе, Варшаве, Баку, во многих городах вокруг Белостока). Наконец, Совет рабочих депутатов Белостока прямо руководился максималистами и анархистами. Однако, все эти события происходили на периферии революционной России, где в целом доминировали РСДРП и ПСР.

[40] Хрусталёв-Носарь участвовал в организации выборов в Петроградский Совет в самом начале Февральской революции 1917 года, но, не получив места в исполкоме Совета, уехал из Петрограда на родину, в Переяславль. В 1918 он руководил здесь полицией во время правления гетмана Скоропадского, боролся против революционного подполья, — в связи с чем был расстрелян ЧК в конце 1918, после установления в Переяславле советской власти.

[41] Партия с.-р. поначалу объявила бойкот выборам 1-й Думы, но в марте 1906 решила принять в ней участие. Немногочисленные с.-р. — овские депутаты образовали «Трудовую группу», бывшую поначалу парламентской «крестьянской» фракцией (даже не партийной, т. к. в ней приняли участие и социал-демократы, и либералы). В 1-й Думе насчитывалось около 80 «трудовиков». В октябре 1906 съезд «Трудовой группы» принял решение считать себя самостоятельной организацией.

[42] Ф. М. Оникко в 1918–1920 жил в Грузии, членом ПСР никогда не был. Расстрелян в 1938 году.

[43] Распуск Второй Государственной Думы, произведённый 3 июня 1907 и сопровождавшийся арестом социал-демократической фракции, в советской историографии считается моментом окончания революции 1905–1907 гг.

[44] Пусть это полное банкротство не удивляет читателя. Следует учитывать, что российская *буржуазия* — слабая, неорганизованная и не участвовавшая в государственных делах — не проявляла никакой инициативы, не обладала реальной силой, не играла организующей роли в национальной экономике; что рабочие и крестьяне — рабы, не имевшие даже права голоса — ничего не значили в экономической организации страны, и им было наплевать на царский режим; что *все* политические, экономические и социальные механизмы реально находились в руках класса *царских чиновников*. Как только война дезориентировала этот класс и разладила заржавевший механизм, всё рухнуло.

[45] (Юля, ещё раз неточно переведён термин: не «Комитет военной промышленности», а «Военно-промышленный комитет». Это, примерно, как если бы написать «Общественный комитет спасателей», говоря о якобинском «Комитете общественного спасения»). «Военно-промышленные комитеты» (ВПК) организуются российскими промышленниками с 1915 для содействия милитаризации экономики, и за два года привлекли к обслуживанию фронта около 1300 средних и мелких предприятий, а также создали до 120 собственных заводов и

мастерских. Возникший тогда же «Союз земств и городов» («Земгор») взял под свой патронат госпитальную службу; позже, как и ВПК, занялся мобилизацией мелкой и кустарной промышленности. Деятельность ВПК и «Земгора» немало способствовала повышению обороноспособности страны, но постоянно встречала насторожённое и даже враждебное отношение со стороны правительства: как из-за независимости этих инициатив от власти, так и вследствие предъявлявшимися обеими организациями определёнными политическими требованиями.

[46] Ни в коем случае не оспаривая представление о стихийном характере никакой организацией не готовившейся Февральской революции (а его разделяет, например, и активный участник восстания Н. Суханов), уточним, что к началу 1917 года в Петрограде действовали нелегальные Русское бюро ЦК РСДРП (большевики) и Орг. Комитет РСДРП (меньшевики).

[47] Вернее сказать — принадлежали к правым партиям: Милюков — кадет, Гучков — октябрист, Львов — «прогрессист». Кстати, Керенский в описываемое время входил в «Трудовую группу».

[48] «Политическая власть» не является силой «сама по себе». Она «сильна» постольку, поскольку опирается на капитал, государственный аппарат, армию, полицию. Если этого нет, она «зависает в воздухе», бессильная и лишённая возможности действовать. Это доказывает русская Революция: буржуазия, имея «политическую власть» после 1917 года, оказалась бессильна, и «власть» её пала два месяца спустя; будучи несостоятельной, последняя не располагала никакой реальной силой: ни производительным капиталом, ни народным доверием, ни мощным государственным аппаратом, ни подчинявшейся ей армией. Второе и третье «Временные правительства» пали по тем же самым причинам. Весьма вероятно, что если бы большевики не ускорили события, правительство Керенского ожидала бы аналогичная участь.

Отсюда следует, что если социальная Революция вот-вот восторжествует (когда капитал — земля, недра, средства связи, финансы — начинают переходить к народу, и армия делает с ним одно дело), нет никакой необходимости в «политической власти». Если потерпевшие поражение классы попытаются по традиции сформировать её, какое это будет иметь значение? Даже если это им удастся, образуется бессильное правительство-фантом, которое вооружённый народ сбросит без особых усилий. А что касается *революции*, зачем ей «правительство», «политическая власть»? Ей предстоит идти вперёд в интересах народа, организовывать народные массы, совершенствовать экономику, защищаться, если понадобится, строить новую жизнь и т. д. Всё это не имеет ничего общего с «политической властью». *Ибо является делом самого революционного народа*, его многочисленных экономических и социальных объединений и координационных федераций, органов самообороны и т. д.

Что такое, по сути своей, «политическая власть»? Что означает «политическая» деятельность? Сколько раз задавал я эти вопросы членам левых партий, но никогда не получал разумного ответа или определения! Каким образом можно определять *политическую* деятельность как деятельность «самостоятельную», специфическую и

полезную для общности проживающих на определённой территории людей? Можно дать более или менее чёткое определение социальной, экономической, административной, правовой, дипломатической, культурной деятельности... Но «политической»? Что это? Некоторые понимают под ней именно *общую административную* деятельность, необходимую на территории большой протяжённости, в масштабах целой страны. Но тогда «политическая власть» означает «власть административная»? Легко заметить, что понятия эти вовсе не идентичны. В этом случае сознательно или неосознанно путают *власть* и *управление* (точно также часто смешивают понятия *государства* и *общества*). На самом деле «административная» функция неотделима от любой сферы человеческой деятельности, являясь её составной частью — привнося в неё организацию, координацию, *нормальную* централизацию (по необходимости, федеративную — от периферии к центру). Для некоторых сфер человеческой деятельности можно предусмотреть общее управление. В каждой области — в отдельности или в совокупности — люди, обладающие организаторскими способностями, и должны осуществлять функцию организаторов, «администраторов». Люди эти, трудящиеся наравне с другими, призваны также обеспечивать «управление» (связи, последовательность, координацию и пр.), и при этом не возникнет необходимости в жёсткой «политической власти» *как таковой*. «Политическая власть» сама по себе, «нечто особенное», не соответствует никакой нормальной, реальной, конкретной человеческой деятельности. Вот почему она исчезает, когда все необходимые функции нормально выполняются соответствующими учреждениями. Она не может существовать «сама по себе», ибо человеческое сообщество не нуждается в специфической «политической» функции.

Гольденвейзер, российский юрист, рассказывает в своих воспоминаниях («Архив русской революции», журнал русских эмигрантов, издававшийся до войны в Берлине), как во время Революции жил на Украине, в очень беспокойном районе. Обстоятельства сложились так, что некоторое время в городе не было никакой «власти» (ни красной, ни белой). И Гольденвейзер с удивлением констатирует, что в этот период население жило, работало и занималось своими делами ничуть не хуже — и даже лучше, — чем при чьей-либо «власти». Подобное замечал не один Гольденвейзер. Удивительно то, что для Гольденвейзера это оказалось неожиданным. Разве «власть» заставляет людей жить, действовать и договариваться, чтобы удовлетворять свои потребности? Разве в истории человечества какая-нибудь «власть» сделала человеческое общество гармоничным, счастливым? История свидетельствует как раз об обратном: человеческое общество было — насколько это вообще являлось исторически возможным — счастливым, гармоничным и прогрессивным лишь в эпохи, когда «политическая власть» оказывалась слаба (Древняя Греция, некоторые периоды Средневековья и др.), а народ был более или менее предоставлен сам себе. *Vice versa*: сильная, «реальная» «политическая власть» всегда несёт народам лишь несчастья, войны, нищету, стагнацию и отсутствие прогресса. «Политическая власть» связана с развитием человеческого общества по определённым историческим причинам, которые в наше время уже перестали существовать. Но рассмотрение этого вопроса увело бы нас слишком далеко от нашей темы. Ограничимся выводом: по сути, за все прошедшие тысячелетия «власть» научилась только воевать. Это видно даже из школьных учебников, а нынешняя эпоха убеждает с ужасающей ясностью.

Утверждают: для того, чтобы «управлять», необходимо *заставлять, командовать, прибегать к мерам принуждения*. Таким образом, «политическая власть» представляет собой центральное управление (страной), располагающее средствами принуждения. Но и народная служба управления может при необходимости прибегать к подобного рода мерам, и для этого вовсе нет необходимости в установлении особой перманентной «политической власти».

Утверждают также, что народные массы не способны самоорганизоваться и эффективно осуществлять самоуправление. В моей работе читатель найдёт, надеюсь, достаточно доказательств обратного.

Если в разгар социальной Революции различные политические партии желают заниматься «организацией власти», народу остаётся только продолжать дело Революции, не обращая на них внимания: и бесполезная игра быстро им наскучит. Если бы после февраля и особенно после октября 1917 года российские трудящиеся вместо того, чтобы посадить себе на шею новых хозяев, просто продолжили бы своё дело с помощью всех революционеров, под защитой *своей* армии и при поддержке всей страны, сама идея «политической власти» была бы вскоре похоронена навсегда.

В этой книге читатель найдёт немало неизвестных доселе фактов, подтверждающих наши выводы.

Мы выражаем надежду, что будущая Революция пойдёт по верному пути, с которого её не удастся сбить политическим «кабинетным революционерам».

[49] Термин «элитный» неудачен: нужный (исторически верный) перевод — «ударный».

[50] Лучше бы перевести не «мятеж» Врангеля, а «выступление»: всё-таки, Врангель был не мятежником, внезапно поднявшимся против власти, а продолжателем и преемником Деникина.

[51] Партии с.-р. и меньшевиков рассматривали белые режимы Колчака, Деникина, Врангеля и т. п. как контрреволюционные, и не оказывали им поддержку. Политическое руководство антибольшевистскими выступлениями со стороны социалистов (прежде всего с.-р.) имело место в период до конца 1918 года в Сибири, на Урале и в Поволжье.